

Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.

УДК 902
ББК 63.4
Т35

Т35 Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 216 с.

ISBN 978-5-458-40501-0

ISBN 978-5-458-40501-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГОРОДИЩА СТАРОГО ТЕРМЕЗА И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О „СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ“

Наименование города

Термез — с 1928 года современное официальное название города, выросшего на месте небольшого селения Патта-Кесар¹. Последнее стало значительно расти за счет торговцев, поставщиков, подрядчиков и других лиц, связанных с прибывшими сюда царскими войсками, когда вслед за за-

1. Северо-западный угол калы и комплекс зданий у мазара Хакими Термези

нятием афгано-бухарской границы в 1897 году рядом возникло укрепление Термез. В такой форме возродилось наименование некогда крупного древнего города. В XIV веке и позднее в письменных источниках, равно как и на монетах, он носил эпитет „города мужей“ *مدینه الرجال*². В западно-европейской научной литературе название Термез имеет ряд вариантов как в начертании, так и в произношении: *Tarmad*, *Termed*, *Tarmidh*, *Termtidh*, *Tirmidh*, *Tarmit*, *Termit*, *Tarmiz*, *Termiz*, *Tirmiz*, *Termouz*.

В прежних русских изданиях встречаются транскрипции: Термеш, Термед, Тармид, Тармиз, Тармыз, Термиз, Термис, хотя в основном преобладает форма Термез.³ Обилие разночтений объясняется отчасти тем, что по этому вопросу не было единства и у арабско-иранских авторов. В арабской транскрипции при начертании наименования Термеза варьирует последняя согласная. Чаще всего это „ذ“ или позднее „ز“, хотя встречаются „د“ и даже „ت“. Иногда перед наименованием употребляется член *ال* „ат-Тармиз“. Что касается огласовки, то Якут в своем словаре, составленном в первой четверти XIII столетия, отметил, что одни произносят первую согласную с фатхой [ترمذ — Тармиз], а другие — с кесрой [ترمذ — Тирмиз]⁴. Первый вариант как местное, а стало быть

и подлинное, произношение отмечает автор XII века Сам'ани, проживший в Термезе двенадцать дней⁵. Что такая огласовка восходит к далекому прошлому, можно уловить в китайской транскрипции *Ta-mi*, как именуется это владение в VII веке Сюань-цзан⁶, на что уже в конце прошлого столетия обратил внимание В. В. Бартольд⁷. Маркварт и Е. Шаванн считали, что упоминаемое в XVII главе Тан-шу, по сведениям, относящимся к середине VII века, владение Та-мо [*Tat-muēt*] с одноименным городом, в котором было учреждено управление десятым округом, соответствует именно Термезу⁸. П. Пеллио, кроме того, допускал, что Термез, вероятно, можно подразумевать и в транскрипции Та-ман [*Ta-man, Tat-muan*], приводимой в *T'so-fou-yuan-kouei*⁹. Название Термеза на карте, служившей приложением к китайскому „Статистическому сборнику“, составленному в Пекине в 1329—1331 годах, транскрибировано русским переводчиком как Тэрми¹⁰. При описании Термеза монголами Чингизхана в анналах Канг-му город назван *T'ie-li-mi*, а в Юань-ши — *T'ie-li-ma*, причем первая форма, видимо, употреблена и путешественниками XV столетия, Чен-ченг и Ли-та¹¹. В древней тибетской буддийской литературе П. Пеллио обнаружил, между прочим, любопытное упоминание о некоем тохарце Дармаитре, который был автором комментария к *Vinaya des Mulasarvastivadin* и который происходил из Тар-ми-та на берегу реки Пак-су [*Воксу-Оксус-Аму*]¹². Сближение Тар-ми-та с Термезом не вызывает никаких сомнений. Наконец, в историческом армянском источнике у псевдо-Моисея Хоренского среди прочих восточных провинций государства сасанидов Термез фигурирует под названием Дрмат¹³.

Было бы очень важно произвести „палеонтологическое“ раскрытие наименования Термеза по методике Н. Я. Марра, так как этимология этого слова окончательно не разгадана. В. Томашек в семидесятых годах прошлого столетия высказал предположение, что оно происходит от бактрийского термина *taro-maetha*, обозначающего, может быть, „поселение по ту сторону“ или „заречье“¹⁴, чем как бы предопределялось основание города в период бактрийской колонизации правого берега Аму-Дарьи.

От стариков из окрестного населения, говорящих на языках турецкой группы, до сих пор можно иногда услышать попытку объяснить происхождение названия из лексикона турецких корней. Очевидно, не без участия мусульманского духовенства была создана легенда, по которой убитый врагами шейх Абу Абдаллах Мухаммад, сын Али, аль-хаким Термези, во время одного из сборищ последователей у его могилы, в утешение им якобы произнес под землей: „трык биз“ — т. е. „мы живы“. С тех пор будто бы стали называть погибшего наставника ходжа Али ул-хаким „Трык биз“, после чего и сам город получил название города Али ул-хаким „мы живы“ [Шаари Али ул-хаким трык биз], причем прозвище с течением времени, согласно народной этимологии, превратилось в „Термиз“¹⁵. С научной точки зрения это истолкование является неприемлемым, так как совершенно не может быть обосновано фонетически.

Наименование современной приамударьинской группы развалин городищем Хайбер или Хайбар [خېبر], слышанное от местных жителей некоторыми путешественниками прошлого столетия, ни в каком случае не является собственным именем. Так когда-то называлась крепость близ Медины. Окутанное дымкой апокрифических сказаний об Али [имевшем, кстати, прозвище خېبرستان — „покоритель Хайбера“], это название было распространено как эпитет на многие развалины старых городов, подлинное представление об истории которых в широких массах часто пришлому населению оказалось в значительной мере утраченным. Это же относится и к термину „Гуль-гуля“, каким, по рассказам местных же жителей, часто обозначали присурханскую группу развалин Термеза. „Гуль-гуля“, соответст-

вующее иранскому „гуль-гуль“ [غلغل], обозначает смутный шум, слышимый на далеком расстоянии при приближении к многолюдному и оживленному городу. По преданию, шум, исходивший от бесчисленных базарных площадей торговой части средневекового Термеза, будто бы доносился даже до Балха, расположенного примерно в 80 км к ЮЗ отсюда, на левом берегу Аму. Терминами Хайбер и Гуль-гуля, кроме Термеза, обозначают сейчас на территории древней Бактрии ряд городищ, в том числе и в пределах современного Афганистана.

Легенды об основании Термеза

Когда был основан город Термез неизвестно. Уже в первые века после арабского завоевания об этом имелись лишь легендарные представления. Так, по словам Табари [X в.], начало Термезу было положено сасанидским царем Кобадом [489—531], который якобы являлся основателем, кроме того, еще двух городов в этом районе: Вашгирда [Файзабад] и Кобад-абада [сокращенное — Кобадан] ¹⁶. Позднее основание Термеза приписывалось Александру Македонскому [Искандеру Зу-л-карнейну]. Хафиз и Аbru [XV в.] сообщает, что по одной версии этот македонский царь выстроил одновременно и Бурдагуй на месте одной из крупных переправ на Аму-Дарье. По другой версии, это поселение считалось даже древнее Термеза ¹⁷. Во всяком случае, само слово „Бурдагуй“ признавалось тогда греческим, обозначающим в переводе „гостиницу“ [михманхана] и, возможно, могло быть сближено с греческим *Παραδοχίον* ¹⁸. Память о Зу-л-карнейне и до сих пор сохраняется местным населением в преданиях, связанных с Термезом. Наиболее ходким сюжетом этих преданий является борьба Александра с царем Каштасаб, который осаждался частью греческого войска в течение долгого времени в Термезе. Рассказывают, что когда город сдался, македонский царь велел умертвить Каштасаба ¹⁹, а жителям приказал немедленно приступить к постройке через реку Аму моста, по которому вскоре переправлены были на правый берег и главные силы греческой армии. По легенде, начальник оставленного в Термезе небольшого гарнизона, после смерти Александра, объявил себя самостоятельным владельцем и некоторое время управлял всем прилежащим округом.

Независимо от народного предания, попытки связать Термез с событиями походов Александра Македонского в Среднюю Азию делались рядом исследователей прошлого и отчасти нынешнего столетий. Одни основываясь, главным образом, на показании Арриана, что ширина Окса в месте переправы войск Александра Македонского с левого берега на правый была около шести стадий ²⁰, относили этот пункт к окрестностям Термеза, а также наряду с этим приурочивали его к Келифу или Чушка-Гузару ²¹. Другие считали, что первая переправа македонских войск могла быть совершена в одном из двух последних пунктов, а обратный переход через реку при походе на Индию Александр осуществил у Патта-Кесара. Третьи видели в Термезе ту согдийскую крепость „Петра“, которую безуспешно отстаивал против греков бактрийский правитель Оксиарт в 327 году до н. э. ²². Одно время полагали, что она могла находиться между Балхом и Мервом, поскольку Страбон относил ее под названием „Петра Сизимитры“ к Бактрии, хотя Курций, именуя этот пункт крепостью согдийца Аримаза, и Полиен — крепостью Ариомаза, — оба считали его расположенной на территории Согдианы ²³. С уточнением наших представлений об исторической географии Средней Азии это кажущееся противоречие отпадает само собой, а, как справедливо указал еще И. Г. Дройзен, в Восточной Бухаре есть достаточно местностей, к которым легко может подой-

ти описание скалистых крепостей, бравшихся в IV веке до н. э. македонскими войсками²⁴. Во всяком случае, рыхлые третичные песчаники, служащие платформой для средневековой цитадели Термеза, совершенно не соответствуют ни общей характеристике, ни деталям и размерам, приводимым античными писателями для Петра Сизимитры. Равным образом в их трудах нет и намеков на Термез.

Некоторые данные письменных источников об исторической топографии города

Некоторые средневековые мусульманские авторы [например, Ибн ал Асир], описывая Термез, рекомендуют его именно как „древний город“. Он фигурирует в известной эпической поэме „Шах-намэ“. Парсийская космогония Бундегешта упоминает реку Тармид в качестве притока Вехруда²⁵. Но первые сколько-нибудь подробные письменные известия об этом городе содержатся в описании странствований буддийского монаха Сюань-Цзана [„Описание западных стран“], посетившего Термез в тридцатых годах VII столетия, когда вся страна принадлежала туркам. Столица владения Та-ми [т. е. сам город Термез] в окружности имела тогда более двадцати ли [около 10 км] и занимала площадь, вытянутую с востока на запад и суженную с юга на север. Во владении Та-ми [в том числе и в столице] было более десятка буддийских монастырей, свыше тысячи монахов, ступа* и чтимые изображения будд. Упоминание о совершавшихся там „чудесах“ и других „сверхестественных явлениях“ позволяет сделать заключение, что термезские монастыри в свое время, очевидно, привлекали большое количество паломников²⁶.

В конце VII века [в 689 году] арабский военачальник Муса бен Абдаллах овладел Термезом, заставил местного правителя очистить город и продержался в нем пятнадцать лет, отложившись от халифата. После усмирения „мятежного“ полководца войсками Османа бен Масуда Термез прочно вошел в состав арабского халифата, и с тех пор этот город довольно часто упоминается на страницах арабско-иранской литературы. Наряду со сведениями об его политическом, экономическом и социальном прошлом, изредка встречаются отрывочные данные и о городе, как таковом, и об его исторической топографии.

Так, Ибн Хордадбех, автор конца IX века, сообщает, что Термез был расположен на скале подле реки, которая обмывала его стены²⁷. Это же в основном повторено и у Кудамы [начало X века]. Он говорит, что Джейхун омывает подножье стен города ат-Термеза, построенного на скале²⁸. Несколько иной оттенок можно уловить в словах Табари, что вдоль берега возвышалось старое укрепление Термеза²⁹.

Ряд последующих арабских географов X века дает для своего времени в этом отношении особенно много подробностей, довольно четко воспроизводящих облик типичного среднеазиатского феодального города. Из текста Истахри [930—933] явствует, что расположенный на берегу Джейхуна и отстоявший в однодневном переходе от ближайших гор Термез состоял из цитадели [кала], собственно города — шахристана [мадина] и пригорода — рабада, причем последний был обнесен особой стеной. Дворец правителя находился в кале, тюрьма — вне кухендиза, в шахристане, среди базара. В шахристане же помещалась тогда и соборная мечеть, а мечеть намазгох была в рабаде, внутри стен. Здания базаров, находившихся в

* Во множественном числе.

шахристане, были выстроены из глины. Большая часть улиц и площадей была вымощена жженым кирпичем. Город, служивший пристанью на Джейхуне, имел значительное население. Пашни его орошались водой из реки Саганиана, Чаганруд [ныне Сурхан]. Для питья же употреблялась также и вода из Джейхуна³⁰. Иранская версия сочинения Истахри включает в себе более краткие сведения о Термезе по сравнению с арабским текстом, но дает вариант, что базары помещены в пригороде, в чем можно усматривать и описку³¹. Ибн Хаукаль не внес в сведения предшественника никаких существенных изменений или деталей, если не считать неправильного указания, будто река Саганиана впадала в Аму-Дарью ниже города³². Это, очевидно, нужно понимать в том смысле, что устье Сурхана лежит южнее широты древнего Термеза. В отличие от Истахри, Ибн Хаукаль не употребляет термина „кала“ и говорит лишь об одном кухендизе [буквально—старая крепость]. Автор Худуд аль Алем, указав, что город вообще лежит на берегу Джейхуна, счел, вместе с тем, нужным далее подчеркнуть, что в нем имеется крепость — кухендиз на берегу реки³³. Наконец, Макдиси в конце X века охарактеризовал Термез как главный город на Джейхуне, куда пристают суда, приплывающие со всех сторон. В нем он различает кухендиз и городские укрепления [حصن], причем внутри последнего помещает, между прочим, соборную мечеть. В кухендизе, который по отношению прочих городских укреплений как то выдавался из них, были одни ворота, тогда как в шахристане их насчитывали тогда трое. Кроме обычного рабада, Макдиси намекает еще на наличие какой-то пригородной территории, которую именует „сурадикат“ [سراديقات].³⁴

Позднейшие писатели, в большинстве случаев компиляторы, в течение нескольких веков только повторяли сведения авторов X столетия о Термезе³⁵. Это делалось даже после того, как город переменял свое местоположение некоторое время спустя вслед за разгромом, учиненным монгольскими войсками. Последнее событие имело место осенью 617 г. х. или в 1220 г. н. э. и, повидимому, оказалось роковым в жизни города. Чингизхан, одновременно с предложением выразить ему покорность, требовал от жителей разрушения городских укреплений и цитадели [حصار وقلعه]. В. В. Бартольд по рукописи труда Джувейни [Ленинградской публичной библиотеки] писал, что в тексте ее содержится указание, которое он связывал с событиями 1206 года, будто в то время половина возвышающегося на берегу Джейхуна дворца [баргах] была в воде³⁶. В изданном тексте Джувейни при изложении событий 1220 года говорится, что жители Термеза, решив оказать сопротивление Чингизхану, надеялись на неприступность калы, половина стен которой возвышалась в середине Джейхуна³⁷. О подобном же положении стены цитадели, платформа которой, сложенная из песчаника, очевидно, подверглась к тому времени сильному размыву со стороны Аму-Дарьи, имеется упоминание в описании завоевания монголами Термеза, приведенном у Рашид ад дина [конец XIII — начало XIV вв.]³⁸. После десятидневной осады монголы взяли Термез приступом, город был подвергнут разгрому, а многие жители [по арабско-иранским источникам, явно утрирующим действительность,—даже все] были перебиты³⁹.

Часть монгольской армии вместе с Чингизханом провела зиму 1220—1221 года в районе Термеза, где в течение почти четырех месяцев продолжалась крупная охота на разнообразную дичь с вероятной целью снабжения войск мясом.

В то время, как разгромленный монголами Балх продолжал оставаться в развалинах еще в первые десятилетия XIV века, Термез, повидимому, довольно скоро был заново отстроен, но уже на другом месте. Ки-

тайские источники, относящиеся к XIII—XIV векам, отмечают, что в T'ie—ii—mi, лежащем примерно в 2000 ли к ЮЗ от Са-ма-рх-хан [Самарканд], имеются старый и новый города на расстоянии один от другого более 10 ли [около 5 км]. Население города и его окрестностей состояло только из нескольких сотен семей, которые были связаны со скотоводством. Самый город Ти-ли-ми [очевидно, вновь отстроенный] лежал к востоку от реки Аму, изобилующей рыбой. К западу тянулись обширные тугаи и камышевые джунгли, в которых водились тигры.⁴⁰ В тридцатых годах XIV века через Термез проехал знаменитый арабский путешественник Ибн Батута. В описании своего странствования он упомянул, что после разрушения Чингизом старого Термеза, расположенного на берегу Джейхуна, был основан новый город в двух милях от реки [т. е. в расстоянии около 4 км от Аму-Дарьи]⁴¹. К моменту посещения Ибн Батуты это был уже большой город, хорошо отстроенный, с прекрасными базарами, прорезанными арыками и с многочисленными садами⁴².

„Старый Термез“ [تارمد كهنه] упоминается Шереф-ад-дином при описании событий конца пятидесятих годов XIV столетия когда там был разбит военный лагерь⁴³. Позднее Тимуру не раз приходилось бывать в Термезе. Одиннадцатого сентября 1399 года (8 мухаррема 802 г. х.) он на пути из Кеша в Балх совершал обряд посещения мест погребений термезских сейидов [расположенных тогда на территории „нового города“], а также мазаров Ходжа Мухаммед Али хаким Термези и шейха Абу Бекра Варрака и других [которые находились в то время уже в пределах „старого Термеза“]⁴⁴. Летом 1404 года на обратном пути из последнего похода на запад Тимур проездом через Термез останавливался, как и в 1399 году, в доме, принадлежавшем термезскому сейиду Худавендзаде Ала-ал-мульку. А осенью того же года через Термез проезжало направлявшееся в столицу посольство испанского короля Генриха III. В дневнике Рюи Гонзалеса Клавиho по этому повому упоминается поитонный мост, переброшенный через Аму-Дарью у Термеза исключительно для нужд армии. Самый город Клавиho называет большим и очень населенным. „Вошедши в него, мы ехали так долго, что приехали в свое помещение совсем раздосадованные; и все время ехали по площадям и многолюдным улицам, где продавались разные разности“. Характерной чертой города, по словам Клавиho, было отсутствие какой бы то ни было ограды. В окрестностях было много садов и воды⁴⁵.

Во время феодальной борьбы, возникшей после смерти Тимура между его наследниками, войска Шахруха в 1407 году овладели Балхом, что, по словам Ибн Арабшаха, вынудило Халил Султана, южная граница владений которого проходила по Аму-Дарье, сделать распоряжение о восстановлении крепости старого Термеза на берегу реки⁴⁶. Вот почему Хафиз и Абру в своем труде, написанном около 1431 года, отмечает, что Термез состоит из цитадели и собственно города, а что прежде город имел также и пригород. Базар и соборная мечеть находились тогда в собственно городе, где здания были выстроены из глины [گل]⁴⁷.

Крепость старого Термеза на берегу Дарьи функционировала и в период узбекского господства. В частности, образное описание ее содержится в труде Хафиз и Таныша в той части, где повествуется о событиях 979 года хиджры (1572 г. н. э.). Термез был подчинен тогда Балху, владетель которого Дин Мухаммед находился во враждебных отношениях с Абдулла ханом. Последний осаждал Термез весной упомянутого года. Перед осадой Абдулла хан крупными подарками постарался расположить к себе шейхов мазаров Хакими Термези, Абу Бекра Варрака и других. Затем цитадель была обложена тесным кольцом. В то время это было

весьма солидно сооруженное на берегу Джейхуна укрепление с очень высокими башнями, прочным бруствером (فصل) и рвом⁴⁸.

В XVII веке Термез и его округ, принадлежавшие узбекскому роду кунград, обычно входили в состав владения Балха; бывшего своего рода дофине аштарханидов⁴⁹. В первые годы XVIII столетия, когда Термез имел особого наместника из рода кунград по имени Шир Али [основателя Ширабада], в нем различали по прежнему „великую крепость“ [кала—и—калан] и город, где проживала основная масса жителей. Повидимому, Термез находился на закате и вскоре опустел в результате постоянных феодальных войн. Мухаммед Вефа сообщает, что в 1758 году, по распоряжению основателя династии мангытов Мухаммед Рахим хана, Термез, якобы лежавший до того „в течение многих поколений“ в развалинах, был вновь восстановлен⁵⁰. Однако это искусственное мероприятие не оправдывалось, очевидно, ни экономическими ни политическими условиями, и результаты его были недолговечны. В Европе еще в семидесятых годах XVIII века французские энциклопедисты считали Термез городом существующим и включили его наименование в современную им географическую номенклатуру⁵¹. Однако затем Термез стал термином, относящимся исключительно к „мертвому“ городу и обозначающим урочище с обширными руинами разных эпох.

Прежние представления о географическом положении старого Термеза

Данные средневековой арабско-иранской литературы довольно четко указывают положение старого Термеза. Он находился на пересечении дорог, на правом берегу Джейхуна, у переправы через эту реку, причислялся к Тохаристану и входил в состав земель, относящихся к четвертому климату. Кроме того, до нас дошло и несколько определений его географических координат⁵².

	λ	φ
„Книга долгот“ (Атвал)	91°15	37°35
Ибн Саид	90°15	37°30
Бируни (Канун)	91°55	36°35
Истинное положение средневекового кухендиза	67°12	37°16

Долготные определения в данном случае, следуя Птолемею, рассчитаны от меридиана острова Счастливого в группе Канарских островов, хотя иногда арабские географы проводили первый меридиан через западный берег Африки. Широтные данные в первых двух случаях довольно близки к истинному положению. И, тем не менее, в Европе достаточно долгое время уживались противоречивые представления о местонахождении Термеза. В конце XVII века знаменитый ориенталист д'Ербело, знавший по арабско-иранской литературе для этого пункта два долготных и одно широтное градусные определения, отмечал, что по одним данным город расположен на правом берегу или севернее реки Гихон [Джейхун]⁵³, а по другим — на южном или западном берегу. Это различие в показаниях он пытался объяснить, с одной стороны, тем, что город мог лежать на обоих берегах этой реки, а с другой, что он состоял из двух частей, из которых одна была или разрушена, или отстроена не одновременно с другой.⁵⁴ В первой четверти XVIII столетия не менее известный ориенталист Петит де-ля Круа писал, что Термез относится к области Саганиан в Мавераннахре и расположен на переправе через Окс, у места слияния его четырех рукавов⁵⁵. На составленной им карте, очень искажен-

по отражающей действительность, Термез показан на разных берегах с Балхом, к востоку от него, но отделен от лежащего к СВ Сали-Сарая какой то рекой, текущей с востока на запад. На карте показана впадающая в нее в свою очередь река, которая по своему направлению может соответствовать Сурхану⁵⁶. Во французской энциклопедии конца XVIII века говорится лишь, что Термед город в Трансоксиане, на Оксусе [т. е., следовательно, на правом его берегу] и, согласно Lisle, приводится его долгота в 85°30'⁵⁷. На большинстве других европейских карт этого столетия он помещается на левом берегу Сурхана.

На карте, приложенной к описанию поездки Г. Мейендорфа в Бухару в 1820 году, Термез совершенно правильно показан на правых берегах Аму и Сурхана. Удовлетворительно отмечен город на картах Гумбольда, Левшина [1832], Н. Яковлева [1843], А. Вамбери [1865]. На карте, приложенной к описанию путешествия А. Борнса [1848], нельзя определить, на каком берегу Сурхана стоит Термез, так как эта река не доведена до Аму-Дарьи. В данных о положении Термеза, относящихся ко второй половине XIX столетия, наряду с иногда неверными представлениями, очень часто проглядывает некоторая неряшливость. Это относится, например, к оригинальной карте Гисарского края экспедиции Н. А. Маева 1875 года, к русской карте 1877 года и к ряду других. На исторической карте маршрутов буддийских паломников из Китая в Индию, приложенной к вышедшей в 1877 году первой части капитального труда Ф. Ф. Рихтхофена, „Китай“, город Та-ми нормально указывается на берегу Аму, западнее Сурхана⁵⁸. В одновременно опубликованном в Вене труде ориенталиста В. Томашека на карте Кангюя Та-ми почему-то показан на левом берегу Сурхана при самом впадении его в Аму. Вместе с тем, там же на карте Мавераннахра эпохи саманидов Термез обозначен лежащим на правом берегу Оби-Саганиан и примерно на месте присурханской группы развалин⁵⁹. Даже карта, приложенная к специальному труду Н. Минаева о странах верхнего течения Аму-Дарьи и составленная в 1880 году, место подлинных развалин средневекового Термеза отмечает как „М. Термез“, а развалины городища Гуль-гуля и „мазар Ходжа Абдул Термези“ относит на левый берег Сурхана⁶⁰. Как досадный недосмотр, можно расценивать, что на карте, составленной И. В. Мушкетовым в 1885 году и приложенной к его капитальному труду „Туркестан“, развалины Термеза неверно отмечены на левом берегу Сурхана, в то время как сам автор в тексте эту же ошибку исправлял у других⁶¹.

Для русской и советской картографии и научной литературы все это уже давно стало анахронизмом, чего нельзя еще сказать о специальных европейских трудах XX века. Так, О. К о д р и н г т о н в своей историко-нумизматической монографии — *A manual of muslim numismatics* для древнего Термеза дает совершенно неверные координаты — 38°17' N и 87°38' E, причем ошибка широты превышает один градус что качественно ставит данные английского ученого много ниже вычислений, дошедших от средневековых мусульманских авторов⁶². Известный английский ориенталист Г. ле Стрендж на своей исторической карте областей Оксуса и Яксарта, входивших в состав Восточного халифата, поместил Термез на левом берегу Сурхана [назвав его *Zamil*]⁶³. Наконец, видный венский ориенталист Е. де Замбаур на изготовленной им *исторической карте Ирана примерно середины VIII века хиджры [XIV в. н. э.] показал Термез даже на левом берегу Вахша, отнеся низовья этой реки к области Саганиан. Здесь на самом деле были уже земли коренного Хутталяна, отделявшегося от Саганиана областью Кувадиана⁶⁴.

* Приложение к „Руководству генеалогии и хронологии по истории ислама“, Napovro, 1927.

ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДИЩ СТАРОГО ТЕРМЕЗА до 1936 г.

Изучение за дореволюционный период

Одно из наиболее ранних сведений о развалинах опустевшего городища Термез, превратившегося уже в археологический объект, вошло в научный обиход повидимому, только после возвращения из Бухары русского посольства 1820 года. Его секретарь, Г. Мейендорф, в описании путешествия этой миссии из Оренбурга в Бухару, опубликованном шесть лет спустя в Париже на французском языке, писал, что развалины Термеза расположены напротив Шермеда, лежащего на левом [т. е. противоположном] берегу Аму. „Не видно там ничего, кроме груд щебня и камней; жилища, которые [там] еще остаются, сделаны из земли“⁶⁵. Основываясь на показаниях Г. Мейендорфа и сопоставляя его с сообщением о возрождении Термеза после разгрома его монголами на новом месте, В. Тизенгаузен в 1853 году выступил в печати с предположением, что Шермед, вероятно, можно отождествить со вновь отстроенным городом, посещенным Ибн Батуту⁶⁶. Английский географ Г. Юль в предисловии к изданию путешествия Вуда в 1872 году даже категорически утверждал, будто Термез, упомянутый Ибн Батуту, „все еще существует, но теперь мы ничего не слышим о нем“. Это вызвало на следующий же год возражение А. П. Федченко, заявившего, что он слышал только о развалинах Термиза [как ему его приносили]⁶⁷. Что от Термеза действительно оставались тогда одни развалины, подтвердили и опросные сведения, собранные Н. А. Маевым во время Гиссарской экспедиции 1874 года⁶⁸. В 1877 году в Вене вышел труд В. Томашека „Согдиана“, в котором автор, на основании имевшихся в то время картографических материалов, высказал предположение, что древний Термез должен находиться у урочища, обозначенного как развалины Гуль-гуля⁶⁹.

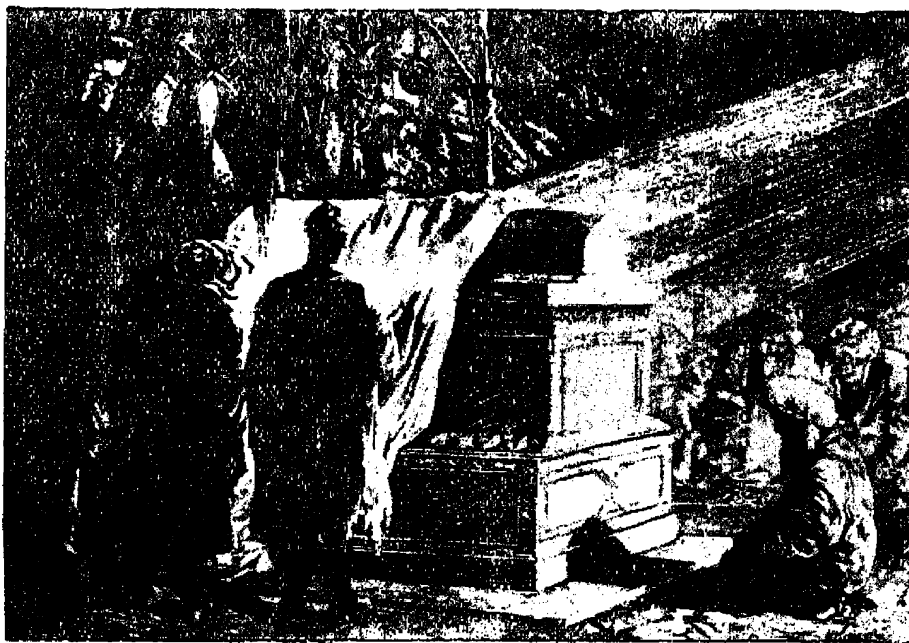
В августе 1878 года, при рекогносцировке переправ через Аму, примыкающая к берегу реки часть городища была осмотрена и описана А. Быковым под наименованием развалин Шаар Гуль-Гуля. Им упомянуты находящиеся на естественном скалистом холме у берега реки „цитадель города и дворец султана Термеза“, а также остатки кирпичной набережной и устоев от моста, „когда-то задуманного здесь“ упомянуты святым султаном. Быкову казалось, что тут же ниже холма могла находиться и пристань. Могила султана Термеза в описании он упоминает ошибочно у СВ угла цитадели⁷⁰. На схематическом плане развалин Гуль-гуля ниже мазара, на берегу Аму, А. Быков обозначил какую-то „кузницу“⁷¹.

Седьмого декабря 1878 года проездом из Ташкента в Кабул доктор И. Л. Яворский посетил обширные развалины древнего городка, занимающие пространство в несколько квадратных верст неподалеку от селения Патта-Кесар. Яворский, однако, и не подозревал, что он осматривал руины Термеза. В корреспонденции, написанной из Мазаришерифа несколько дней спустя, автор писал, что об этом городе среди местного населения совсем не существует преданий. В опубликованном через много лет дневнике И. Л. Яворского содержится указание, якобы развалины городища носили название Хайбар. Автор остановил свое внимание только на придорожном минарете из жженого кирпича с тремя поясами надписей, принятых им на месте за китайские, а позднее правильно названные куфическими. Куски изразцов встречались тогда среди строительного мусора вокруг минарета, кладка которого была сделана исключительно из неполнотного жженого кирпича⁷².

Совершенно бесследно прошло для изучения развалин Термеза посещение их в том же году военной бадахшанской экспедицией П. П. Мат-

веева с участием астронома К. Шварца и прапорщика Троицкого. Известно лишь, что городище было названо населением как развалины Хайбер⁷³.

В начале августа 1879 года из Самарканда выступила так называемая Самарская ученая экспедиция. Из числа ее участников в Термезе побывали, между прочим, геолог И. В. Мушкетов, ботаник Н. А. Сорокин, инженер Н. Л. Ляпунов, переводчик Ф. Н. Жуков и писатель Н. Н. Каразин⁷⁴. Со слов населения были записаны некоторые легенды о городе Гуль-гуля и его цитадели Зюнинабад. Н. Н. Каразин сделал несколько зарисовок с развалин. Романтическая направленность художника отрицательно сказалась на точности передачи объектов, что сильно понижает научную документальную ценность этих первых иллюстративных материалов по памятникам Термеза. Инженер Ляпунов снял копии всех надписей с надгробного сооружения Хаками Термези⁷⁵. Были проверены показания старожилов, что от цитадели некогда начинался постоянный мост, соединявший оба берега Аму, и что при спаде воды посреди реки показывались его мощные устои. С каюков и парусных лодок произведено было прощупывание шестами дна реки, не обнаружившее никаких остатков подводных сооружений. Из наблюдений на цитадели особенно интересно

2. Внутренний вид мазара Хаками Термези в 1879 году. С рис. Н. Каразина

указание, что со стороны реки имелась в то время кирпичная арка, напоминавшая входные ворота. Против нее, на берегу Аму-Дарьи, находилась платформа, выложенная из жженого кирпича. Отмечены были и кирпичные устои, вытянувшиеся по берегу вдоль реки и принятые за остатки набережной и пристани.

Среди груды мусора, обломков кирпичей и цветных изразцов [которые легко могли быть спутаны с черепками поливной керамики, М. М.] на поверхности встречались тогда железные и медные шлаки, куски сплавленного стекла, черепки с фигурными украшениями и изредка монеты. Последние, по показанию Ф. Н. Жукова, настолько окислились, что надписи разобрать на них было совершенно невозможно. По словам И. В. Мушкетова, среди нумизматических находок преобладали греческие